

Грамматические последствия обновления лексикона / Grammatical consequences of vocabulary renewal

Адаптация иноязычной морфемы *-инг* в русском языке начала XXI в.

С. Д. Левина

Adaptation of the borrowed morpheme *-ing* in Russian of the beginning of the 21st century

S. D. Levina

Светлана Дмитриевна Левина – кандидат филологических наук; Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: slevina1@yandex.ru

Статья поступила: 10.02.2023. Принята к печати: 02.03.2023.

Svetlana D. Levina – PhD in Philology; The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID 0009-0001-7264-592X

Received: 10/02/2023. Accepted for publication: 02/03/2023.

В статье рассматривается процесс интеграции иноязычной неоморфемы *-инг* в русскую словообразовательную систему. Особенность этого суффикса существительных с процессуальным значением по сравнению как с английским *-ing*, так и с большинством русских суффиксов с аналогичной семантикой в том, что производящей основой служат обычно существительные, а не глаголы. Действия/состояния обозначаются производным существительным через их объекты, реже – субъекты или обстоятельства. Процессуальная семантика определяет системные связи таких производных слов в словообразовательном гнезде: соотносительность с наименованиями действия и деятеля. Рассматриваются особенности словообразовательной мотивации таких существительных: часто они создаются не столько по модели существительное + *-инг*, сколько по аналогии с конкретными англицизмами с *-инг* финалью. Названы тематические группы слов, возникающие в результате такого словообразования по аналогии: активный отдых, экстремальные развлечения; гипонимы слова митинг; события, ситуации, связанные с каким-либо лицом / предметом; времяпрепровождение; экономические преступления и методы борьбы с ними. Словообразование с формантом *-инг* активно, однако созданные по такой модели слова в основном вызваны языковой игрой и сохраняют свойства окказионализмов. Носители языка остро ощущают иноязычность, чужеродность этого суффикса.

Ключевые слова: словообразование, дериват, языковая игра, окказионализм, неологизм

УДК 811.161.1

The article deals with the process of integration of the borrowed morpheme *-ing* into the Russian word-formation system. It is a noun suffix with a processual meaning. Its special feature, in comparison with both English *-ing* and most Russian suffixes with similar semantics, is that nouns, not verbs, usually serve as the underlying stem. Actions/states are designated by a derivative noun through their objects, more rarely, subjects or adverbial modifiers. Processual semantics determines the systemic connections of such derivative words in families of words: correlation with the designations of the action and the actor. The features of the word-formation motivation of such nouns is that they are often created not so much according to the noun + *-ing* model, but by analogy with specific anglicisms with the *-ing* ending. Thematic groups of words that derive as a result of such word-formation by analogy are defined: active recreation, extreme entertainment; hyponyms of the word *miting* (mass-meeting); events, situations related to a person or an object; pastime; economic crimes and methods of combating them. Word formation with the *-ing* formant is active, however, the words created according to this model are mainly caused by a language game and retain the properties of occasionalisms. Native speakers have a strong sense of the foreignness of this suffix.

Keywords: word formation, derivative, language game, occasionalism, neologism

OECD: 6.020Y

V

Постановка проблемы. В последние десятилетия в русском словообразовании активно используются иноязычные морфемы: *овер-, мега-, -гейт, -ер* и др. Заметное место среди них занимает суффикс *-инг*. Англицизмы XX и XXI вв. с финалью *-инг* (*блюминг, боулинг, кемпинг, маркетинг, клининг*) заняли прочное место в русском языке. *-Инг* отмечен в [Русская грамматика, 1980] как суффикс непродуктивного словообразовательного типа существительных с процессуальным значением. Эта морфема получила и лексикографическую фиксацию в толково-словообразовательном словаре [Ефремова, 2000]: «словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном мужского рода, которое обозначает действие по глаголу, названному мотивирующим словом (*тренинг*)». Все приведенные там примеры – заимствования: *крекинг, тренинг, форсинг*.

Однако в 1980-е гг. словарь-справочник [Новые слова и значения 1997] наряду с 16 заимствованиями из английского языка (*бодибилдинг, джоггинг, лизинг, рейтинг* и др.) фиксирует первый случай образования такого слова на русской почве – псевдоанглицизм *шейпинг*. В 1990-е годы приток англицизмов, в том числе с финалью *-инг*, резко возрастает. Словарь 1990-х [Новые слова и значения 2014] описывает 74 таких лексемы – без учёта семантических неологизмов и сложных слов с второй частью – англицизмом на *-инг*. Оценивая распространение таких слов в русской речи, его называют «инговым цунами» [Коряковцева, 2012, с. 184–185].

С 1980-х гг. и до настоящего времени такие лексемы нередко заимствуются в составе словообразовательной парадигмы (*бодибилдинг – бодибилдер, думскроллинг – думскроллер, пейджинг – пейджер, роутинг – роутер*) и/или словообразовательной пары (*бренд – брендинг, скейтборд – скейтбординг, тролль – троллинг*). Это уже предпосылки к образованию подобных слов на русской почве.

В настоящее время модель очень активна, её становление как части русской словообразовательной системы происходит прямо сейчас. Полнотекстовая база СМИ и блогов «Интегрум» выдаёт сотнями и тысячами результаты по запросам *зацепинг, пехтинг, путинг, шашлыкинг* и др. При этом абсолютное большинство инговых дериватов создаётся «на случай» и не задерживается в активном употреблении. В настоящей статье рассматриваются семантические и экспрессивно-стилистические свойства этого суффикса; его место в современной словообразовательной системе русского языка; инговые дериваты в составе словообразовательных и лексических парадигм. Уделяется внимание и новизне морфемы *-инг*, которая ощущается носителями языка, игровому характеру неологизмов, созданных по этой модели, их нарочитой семантической или лексической избыточности.

История вопроса. На рубеже веков отмечено, что *-инг* может стать словообразовательным формантом и присоединяться к русским основам [Костомаров, 1999, с. 252]. Чуть позже о появлении в русском языке слов с

формантом *-инг* говорят как о свершившемся факте, указывая, однако, на их немногочисленность и окказиональность и делая вывод, что наблюдается лишь первый «прорыв» иноязычного элемента в русскую словообразовательную систему [Сологуб 2002]. В 2011 г. Е.В. Маринова закономерно не использует термины «суффикс» и «морфема» при описании слов, оканчивающихся на *-инг*, называя их «инговые имена существительные», «англицизмы с исходом *-инг < -ing*», «слова на *-инг*»: всё это заимствованные слова, лишь некоторые из которых являются мотивированными (*консалтинг, тренинг, паркинг, прессинг*); однако исследовательница отмечает их быструю русификацию – морфологическую, графическую и словообразовательную [Маринова, 2011]. Почти одновременно, в 2012 г., Г.А. Потапова оценивает *-инг* как сформировавшуюся на русской почве морфему, т.к. в русском языке есть однокоренные слова, образованные с помощью как заимствованных, так и исконных суффиксов: *тренинг – тренер, тренироваться, тренировка, тренаж* [Потапова, 2012].

Однако тот же автор замечает, что *-инг* чужд русской морфонологической системе, и его нельзя использовать в словообразовании вне игровой функции. Утверждается даже, что «*-инг* приобрел статус аффикса, **специализирующегося** [выделено мной. – С.Л.] на создании игровых инноваций» [Ильясова, 2014, с. 62]. Слова, образованные с помощью суффикса *-инг* от русской основы, называют псевдоинговыми, приводятся целые тексты, построенные на игре с этим суффиксом, и указывается на его высокий экспрессивный потенциал [Ермачкова, 2020]. Таким образом, обращая внимание на активизацию этого суффикса, названные авторы видят его лишь как средство языковой игры.

При этом уделяется внимание и освоению этой морфемы русским языком. Она рассматривается в контексте интернационализации современного русского словообразования [Рацибурская, 2014; 2015]. О. Б. Сиротина [2013] размышляет о лингвоэкологии этого суффикса: с одной стороны, есть потребность в заимствовании таких слов и в создании русских дериватов, с другой – возникает дисбаланс словообразовательной системы, процессуальные существительные не соотносятся с мотивирующими глаголами.

Итак, с начала 2010-х гг. и на протяжении всего десятилетия суффикс *-инг* уже очень заметен в русском словообразовании, но большинство исследователей пока видит в нём поле языковой игры, эксперимента, отмечает его инородность в русской словообразовательной системе. В статье с характерным названием «Суффикс *-инг* завоёвывает свои позиции в русском словообразовании» [Дьяков, Скворецкая, 2013] авторы отмечают возросшую активность этого элемента, появление неединичных дериватов от русских основ и предполагают возможность его превращения в полноценный суффикс. В 2020 г. констатируется, что этот суффикс «уже практически адаптирован к русской словообразовательной системе» [Николина, Рацибурская, Фатхутдинова, 2020: 11].

Настоящая статья представляет собой второе обращение автора к неоморфеме *-инг*: первые результаты были изложены в [Левина 2020]. С тех пор в нашем поле зрения появились новые языковые факты – неологизмы 2021–2022 гг. и предыдущих лет и интересные контексты употребления таких неологизмов.

Представляется, что новый материал позволяет лучше понять место этого суффикса в современной русской словообразовательной системе и прагматические аспекты его существования.

Методология и методика исследования. Эмпирической базой исследования послужила словарная выборка, сделанная сотрудниками группы словарей новых слов Отдела лексикографии современного русского языка ИЛИ РАН, дополненная материалом, собранным автором статьи из электронных источников: СМИ, блогов, социальных сетей.

В работе использовались метод непосредственного лингвистического наблюдения, описательно-аналитический метод, компонентный и словообразовательный анализ.

Анализ материала. Заимствования на *-инг* в русском языке выполняют номинативную функцию: *консалтинг, маркетинг, скрапбукинг*. Инговые дериваты – в первую очередь средство экспрессии, языковой игры: *улучшайзинг, загаринг, ЕГЭ-оболванинг*.

Инговые неодериваты обычно имеют процессуальное значение: *собакинг* ‘охота на бродячих собак’, *болотинг* ‘спортивное ориентирование на болотистой местности’, *пляжинг, саунинг*, реже – событийное: наименования митингов в поддержку кого-чего-л. (*путинг, навальнинг, беларусинг*), громких медийных историй (*шурыгинг* ‘публичное обвинение в сексуальном насилии; общественная реакция на такое обвинение’; от фамилии Дианы Шурыгиной, которая обвинила своего знакомого в изнасиловании, после чего сама подверглась обвинениям в распущенности и лжи).

Семантика процессуальности английских существительных с *-ing*, сохраняющаяся и в русских заимствованиях, связана с тем, что они отглагольные. Отмечено, что русские неодериваты на *-инг* обычно отсубстантивные, и процессуальность их семантике придает формант [Дьяков, Скворецкая, 2013]. Это подтверждает и наш материал. Есть неодериваты от глаголов, словосочетаний и предложений, но их гораздо меньше: *лэжинг, дурачинг, ничегонеделалинг, самавиноватинг*.

Словообразовательное значение суффикса *-инг* – ‘действие или состояние, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим существительным’. Другие суффиксы с таким значением давно существуют: *-овк(а), -ованиj(e) / -еваниj(e), -ациj(а) / -изациj(а)*: *процентовка* ‘исчисление процентов’, *дождевание* ‘орошение искусственным дождем’, *валкование* ‘собрание сена в валки’, *рубрикация* ‘распределение по рубрикам’ [Русская грамматика, 1980]. Т. е. такие существительные **имплицитуют** процессы, а **эксплицитуют** предметы, явления, связанные с этими процессами и названные мотивирующими существительными.

Так происходит и при образовании отсубстантивных существительных с суффиксом *-инг*, пополняющим этот синонимический ряд. Но названные суффиксы чаще образуют существительные всё-таки от глаголов, а *-инг* – суффикс прежде всего отсубстативных существительных. Такие существительные образуются от наименования объекта, реже – субъекта или обстоятельства действия / состояния:

кувалдинг ‘убийство **кувалдой**’; **крышинг** ‘гуляние **по крышам**; **ливанинг** ‘инициирование реформы РАН бывшим министром образования и науки Д. В. **Ливановым**’; **бассейнинг** ‘плавание **в бассейне**’; **дачинг** ‘жизнь **на даче**’. Имеется в нашем материале и пример образования ингового деривата – сложного слова, в котором обозначены и субъект, и объект действия. Это слово *жабогадюкинг*, отсылающее к поговорке [Нецензурн. глаг. в прош. вр.] *жаба гадюку* ‘о конфликте, все стороны которого одинаково неприятны говорящему’: *Коммунистическо-монархическо-националистический жабогадюкинг* (Континенталисть 01.05.19); *Эпичный жабогадюкинг: завуч vs комсомолка!* (News 24 23.02.21).

Процессуальное значение суффикса *-инг* позволяет такому существительному приобретать характерное для глагола управление дополнением, сохраняющееся у девербативов (ср. *производить мебель – производство мебели; поехать к водопаду – поездка к водопаду*). Так происходит со словами *дачинг* ‘поездка в район расположения дач высокопоставленных лиц с целью проведения публичной акции и фотофиксации увиденного’ и *пехтинг* ‘публикация сведений о незадекларированном имуществе должностного лица’ (В. А. Пехтин – депутат Государственной Думы, сдавший мандат после такой публикации): *«Дачинг» к чиновникам обернулся избиением активистов* (BBC 04.08.14 – заголовок); *Как следует из материалов пехтинга Турчака, виллу в Ницце семейство губернатора покупало общими силами.* (МК 13.03.13).

Сближение таких существительных с девербативами проявляется в системных связях внутри словообразовательного гнезда. От нечленимых основ англицизмов на *-инг* образуются глаголы: *рейтинг – рейтинговать, демпинг – демпинговать*. Теперь *-инг* воспринимается как носитель словообразовательного значения и отсекается от основы англицизма при образовании глаголов: *рециклинг – рециклить (рециклировать), шейминг* ‘публичное осуждение человека с целью вызвать у него чувство стыда’ – *шеймить*. От одной производящей основы могут образоваться существительное и глагол: *мизулинг* ‘принуждение руководствоваться пуританской моралью’ (Е. Б. Мизулина – депутат Государственной Думы, впоследствии сенатор, автор ряда консервативных законодательных инициатив) – *мизулить*; *пехтинг – пехтить*; *псакинг* ‘публичное безапелляционное заявление должностного лица, содержащее недостоверные сведения’ (Дженнифер Псаки – госсекретарь США во время президентства Б. Обамы) – *псакнуть, псакать*; *шурьинг – шурьжничать* ‘скандал, связанный с обвинением в изнасиловании’ – ‘вести себя неосмотрительно, рискуя стать жертвой насильника’; *самавиноватинг* ‘обвинение женщины в том, что она подверглась насилию или домогательствам’ – *самавиноватить*. Т.е. дисбаланс словообразовательной системы, отмеченный О. Б. Сиротининой, преодолевается. Существительные на *-инг* входят в системные связи с глаголами, хотя и необычным способом: глагол оказывается не производящим, а производным словом или входит в словообразовательную парадигму существительного.

Другое характерное соотношение – наименования опредмеченного процесса / деятеля: *доскинг* ‘виды спорта с использованием доски: скейтборд, сноуборд,

серфинг' – *доскер*; *зацепинг* 'проезд снаружи поезда, на крыше или держась за поручни и лестницы' – *зацепер*; *пельменинг* 'соревнование по изготовлению пельменей' – *пельменер*, *пельменист*; *дачинг* – *дачер*.

Отметим, что примеры парадигм, где были бы заполнены все три «ячейки» – действия, опредмеченного процесса и деятеля – нам неизвестны.

С новизной словообразовательной модели связан характер мотивации дериватов. Для создания ингового деривата часто мало только словообразовательной мотивации, нужен конкретный образец – лексема-англицизм на *-инг* или группа таких лексем. Возникает либо А) формально-словообразовательная мотивация, либо Б) семантико-словообразовательная, либо В) осмысление немотивированного слова как мотивированного.

А) Дериват на *-инг* обусловлен синтагматически – англицизмами с финалью *-инг* в контексте: *Областной центр давно нуждается в тюнинге, а кое-где даже и в рестайлинге. Поэтому городским властям необходимо провести бордюринг, тротуаринг, асфальтинг, а кое-где даже газонинг* (Псковская лента новостей 12.14.18); *У экстремалов – дайвинг, у жителей России – дачинг* (Взгляд-инфо 06.05.15). Слова *асфальтинг* и *бордюринг* часто употребляются по отношению к московскому благоустройству, пишущий может их знать, а *тротуаринг* и *дачинг* встречаются редко. Поэтому полагаем, что авторы производят новое слово, а не воспроизводят знакомое. Отметим, что подобных контекстов очень много.

Б) Дериват на *-инг* обусловлен парадигматически – семантической аналогией с конкретными словами: *самавиноватинг, самадуравиноватинг* – ср. *виктимблейминг* 'обвинение жертвы'; *зыринг* 'посещение магазинов с целью посмотреть на товары, а не купить', *шубинг / шапинг* 'покупка шубы или шапки' – ср. *шопинг*; *крысинг, собакинг* 'отстрел крыс / собак с помощью пневматической винтовки' – ср. *варминтинг* 'спортивная охота на вредных животных с применением специального огнестрельного оружия'; *травлинг* – ср. *буллинг*. Приведенные семантико-словообразовательные аналогии построены по-разному: нарочито неточная калька; интегральная сема 'посещение магазина' и симметричные дифференциальные семы цели; гипонимия – гиперонимия. В результате образуются разные типы лексических парадигм.

В) Создаются каламбурные омонимы непрямых производных в русском языке англицизмов: *пилинг* (от *пилить бюджет*), *лифтинг* (от *кататься на лифте*), *лизинг* (от *подлизываться, лизать зад*).

Под влиянием таких образцов появляются целые тематические и лексико-семантические группы.

Активный отдых, спорт, экстремальные развлечения. Ядро группы составляют закрепившиеся в речи любителей этих занятий слова *болотинг, ватрушинг, доскинг, зацепинг, электричкинг* 'различные экстремальные способы безбилетного проезда в электричке', существующие уже более 10 лет. Они не общеупотребительные, но выполняют номинативную, а не экспрессивную функцию. На периферии этой группы по аналогии с такими словами возникают и слова единичного употребления: *Где-то с середины тропы, если двигаться со стороны Мацесты, отдых превращается в любимейший вид спорта местных жителей – заборинг* (BezFormata 30.08.14). К

периферии отнесём и слова, обозначающие, казалось бы, совсем неспортивные занятия, но связанные со спортом идеей соревновательности. Так, соревнования по лепке пельменей называются *пельменинг*, слово встречается в контекстах со спортивной лексикой: *В Бийске намерены создать Федерацию спортивного пельменинга <...> Уже на протяжении года в городе проводится чемпионат края по спортивному пельменингу* (Мой Барнаул 29.07.20). Англицизмов, в том числе «инговых», в русской лексике этой тематической группы много, и они продолжают пополнять русский язык: *бейс-джампинг, керлинг, маунтинбайкинг* и др. Поэтому при необходимости обозначить новое спортивное или околоспортивное понятие напрашивается такая аналогия.

Гипонимы слова *митинг*. В 2007 г. в русском языке возникло слово *путинг* ‘митинг в поддержку Путина’, считается, что оно образовано наложением морфов *-ин* и *-инг* [Дьяков, Скворецкая, 2013]. Полагаем, что это контаминация *Путин* и *митинг*: основа слова *митинг* непроемная, и суффиксального морфа в ней нет. Но в 2008 г. появляется слово *медвединг* ‘митинг в поддержку кандидата в президенты РФ Д. А. Медведева’, а в 2010-е гг. – *болотинг* ‘митинг оппозиции на Болотной площади в Москве’, *навальнинг* ‘митинг по призыву или в поддержку оппозиционного политика А. А. Навального’, *кургинянинг* ‘митинг, организованный С. Е. Кургиняном’, *собянинг* ‘митинг в поддержку мэра и кандидата в мэры Москвы С. С. Собянина’, *детинг* ‘митинг против закона о запрете иностранного усыновления’, *кадыринг* (митинг в поддержку главы Чечни Р. А. Кадырова). Во всех этих словах уже полноценная производящая основа существительного собственного или нарицательного, а *-инг* – полноценный формант. При образовании инговых дериватов от производных слов возможно усечение производящей основы: *Медведев* → *медвединг*, *Кадыров* → *кадыринг*, *Мизулина* → *мизулинг*, *Пехтин* → *пехтинг*, *болотинг* (← *Болотная площадь*).

Неолексемы *медвединг, кургинянинг, детинг, кадыринг* обозначали единичные события и исчезли из употребления с утратой их актуальности. У слов *болотинг* и *навальнинг* история более долгая. *Болотинги* – это несколько митингов, прошедших в Москве на Болотной площади в 2011–2012 гг. Слово *навальнинг* появилось в 2013 г. перед выборами мэра Москвы, в которых участвовал А. А. Навальный, и актуализировалось в 2017 г. и в 2021 г., когда люди выходили на улицу по его призыву или в его защиту. В 2020 г. в связи с политическим кризисом в Беларуси в российских источниках появились слова *тараканинг* ‘митинг сторонников А. Г. Лукашенко, прозванного во время предвыборной кампании тараканом’ и *беларусинг* ‘митинг противников власти’ (единственная цитата), а в белорусских русскоязычных источниках провластные митинги назывались *батинг (батькинг)* – от давнего прозвища А. Г. Лукашенко *батька*, – а также *ябатинг (ябатькинг)* – от хештега *#ябатька*, запущенного с целью объединить сторонников власти. Такие слова, скорее всего, не будут оставаться в употреблении долго. Дольше всех прожило слово *путинг*, но тоже утратило актуальность.

При неустойчивости большинства конкретных лексем этой группы, в русском оппозиционном политическом дискурсе сложилась **модель** неофициального

наименования публичного мероприятия: основа с указанием на повод / организатора / участников / место проведения и формант *-инг*. Модель, подчеркнём, не чисто словообразовательная, а семантико-словообразовательная, т. к. новые слова по-прежнему связаны с конкретным словом *путинг* и через него – *митинг*: У него [А. Г. Лукашенко] с имиджем последнее время довольно тяжело, как он вышел на *митинг*, на *путинг*, я бы сказал, или *батькинг*, когда свезли в автобусах бюджетников (Эхо Москвы. 18.08.20). Такая модель чаще используется по отношению к «чужим» митингам, куда, по мнению говорящего, приходят недобровольно или небесплатно: *Некоторые из групп использовали <...> гранты на оплату протестов против Трампа. То есть часть этих беззаветных протестов были «обаминги»* (Новая газета 13.03.17). Характерно слово *бюджетинг* – провластный митинг, на который по разнарядке направлены бюджетники.

События, ситуации, действия, связываемые с каким-л. лицом/предметом: *мизулинг, пехтинг, псакинг, шурыгинг, кадыринг* ‘реакция общества на высказывания Р. А. Кадырова о российской несистемной оппозиции’, *медвединг* ‘фотографирование кого-л. спящим во время мероприятия’. Эта группа тоже свойственна в основном оппозиционному политическому дискурсу. Такие слова требуют фоновых знаний адресата о событии и лице, от фамилии которого образовано наименование этого события. Эти неологизмы могут употребляться и расширительно. Например, незадекларированное имущество обнаружено не только у В. А. Пехтина, но и у депутата И. А. Яровой, у сенаторов В. Б. Малкина и М. В. Маргелова и др. И слова *яровинг, маргелинг, малкинг* были. Но, кто бы ни был героем очередной медийной истории, чаще употреблялось слово *пехтинг* (по данным «Интегрума» – более 2000 словоупотреблений). Режиссер К. С. Серебренников, автор неологизма *мизулинг*, не упоминает лично Е. Б. Мизулину: *Сегодня давал письменные объяснения следователю в плане проверки МХТ и моего спектакля «Человек-подушка» на наличие «сцен педофилии», сцен «насилия с участием детей» и т. д. Заказчик «мизулинга» – комиссия Госдумы по нравственности (sobaka.ru 05.07.13).* Слово *псакинг* (почти 600 словоупотреблений) также употреблялось по отношению более к явлению, чем к человеку: *Можно этим «псакингом» заниматься <...> бесконечно, и мы <...> превзойдём американцев* (Новый Петербург 07.05.14).

Периферию этой группы образует окказиональная лексика, как с следующим диалогем:

– *Стали сравнивать, кто как ведёт себя по поводу режима изоляции <...>, и обозначилось тут несколько подходов.*

– *Ты про мишустинг? И про собянинг? <...> В публичном пространстве я премьера [М. В. Мишустина. – С.Л.] в маске никогда не видел. <...> Есть у нас Собянин <...> Он в масочке <...> как ведут себя <...> чиновники, кто-то <...> занимается собянингом, <...> депутаты горсовета <...> почти все были в масках. При этом председатель горсовета и глава города, они были без масок <...>*

– *Занимались мишустингом* (Эхо Москвы 06.05.20).

Обратим внимание: *собянинг* (в этом значении) и *мишустинг* – слова единичного употребления. Однако *-инг* появляется там, где (не)ношение маски рассматривается как поведение не одного человека, а **ряда** людей.

Даже если слово из этой группы какое-то время употребляется активно и расширительно, оно все равно актуально, только пока актуально событие. Подобная лексика остаётся близкой к окказиональной тем, что тесно связана с контекстом, а иногда и с автором. Эти слова могут появляться в речи законодателей языковой моды – блогеров с большим количеством подписчиков (автор слова *мизулинг* – К. С. Серебренников, слова *кадыринг* – К. А. Собчак, слова *пехтинг* – тогдашний оппозиционный депутат Государственной Думы Д. Г. Гудков, авторы других слов, связанных с коррупционными скандалами, – А. А. Навальный или люди из его окружения), подхватываться читателями, а затем уходить из употребления. Интересно, что высказывания Р. А. Кадырова регулярно вызывают активное обсуждение, но слово *кадыринг* связано именно с конкретными его заявлениями о «врагах народа» в рядах несистемной оппозиции, сделанными в 2016 г., и позже практически не появляется.

Абсолютное большинство таких существительных называют события, связанные с лицом, и мотивированы именем собственным, имеющим значение субъекта ситуации. Но в 2021 г. в связи с шокирующими сообщениями о пытках заключённых в российских тюрьмах появляется первое известное нам слово, мотивированное именем нарицательным с инструментальным значением: *швабринг* ‘изнасилование шваброй’ (а также девербатив *набутылинг* ‘изнасилование бутылкой’). В 2022 г. после убийства бойца частной военной компании «Вагнер» этот ряд пополняется словом *кувалдинг* ‘убийство кувалдой; расширительно – внесудебная расправа’.

В этой группе, как и в предыдущей, при неустойчивости конкретных лексем имеется устойчивая модель: основа существительного (обычно имени собственного) и формант *-инг*. У некоторых из этих слов есть синонимы, образованные от той же основы по модели с аффиксоидом *...гейт* ‘политический скандал’: *пехтинг* – *пехтингейт*, *кадыринг* – *кадыровгейт*, *мизулинг* – *мизулингейт*.

Времяпрепровождение: *шашлычинг*, *пивинг*, *водкинг*, *пляжинг*, *ресторанинг*, *дачинг* ‘жизнь на даче, дачные занятия’, *бабинг*. Эти слова мотивированы именами нарицательными, для их понимания не нужны экстралингвистические знания – достаточно языковых. Поэтому группа очень подвижна, легко пополняется, часто дериватами, возникающими в игровых контекстах с несколькими словами на *-инг*: *Пыл во мне быстро остудили новые увлечения: шопинг и попинг (то есть накачивание попы путем хождения на занятиях фитнесом)* (Сайт Сашки Букашки 23.08.21). Это значит, что подобные неологизмы, включая, например, слово *шашлычинг* (более 450 контекстов выдает «Интегрум»), всякий раз создаются говорящим заново.

Экономические преступления и (сомнительные) методы борьбы с ними: *крышинг*, *лохотронинг*, *откатинг*, *опричнинг*, *распилинг*. Эти неологизмы образованы по аналогии с экономическими терминами *банкинг*, *лизинг*, *эквайринг*,

консалтинг и т. д. Часто такие неологизмы и термины используются в одном контексте: *Давно пора наряду с пришедшими с Запада финансовыми инструментами – лизингом, банкингом и т. д. – ввести и наш, исконно русский опричь-мониторинг. Или попросту – опричинг!* (АиФ 06.03.13); *Можно предположить, что за подобным «ребрендингом» последует «клининг»* [здесь семантический неологизм – ср. *отмывание*. – С. Л.] *выделенных денежных средств с последующим «распилингом» и «откатингом»* (КОНТ 10.02.19).

Для развития полисемии обычно нужно время, многозначными слова рождаются редко. В нашем материале таковы, например, *шурьинг* и *кадыринг*. Многозначность инговых дериватов обычно возникает в результате повторного словообразования. В 2014 г. слово *дачинг* называет акцию возле дач должностных лиц, а в 2015 г. появляется значение 'жизнь на даче'. Это не развитие нового значения у известного носителем языка слова (не являющегося к тому же общеупотребительным). Есть контексты употребления неологизма *дачинг* с другими словами на *-инг* (*дайвинг, плоггинг, сноубординг, шопинг; бухлинг, шашлычинг*), есть контекст, где *дачинг* называется видом спорта, т. е. ассоциации говорящего не связаны с первым по времени значением. *Крышинг* – это и прогулки по крышам, и ироническая замена слова *крышевание*. Лексемы *тараканинг* и *беларусинг* были до белорусского кризиса. *Тараканинг* у рыбаков означает ловлю на приманку, имитирующую насекомое, и появилось не позднее 2017 г. До 2020 г. слово *беларусинг* (в написании с *о* и *а*) встречается на туристических форумах и называет путешествие по Беларуси, время, проведённое в этой стране: *2-х дневный, зимний беларусинг, 12–20 часов плотного беларусинга*. Выше упомянут контекст употребления этого слова в значении 'митинг противников белорусской власти', но оно называет и белорусские протесты в целом: *Не дали беларусингу, как киргизингу, развернуться* (Континент 08.10.20) и *Беларусинг, або Метро под откос [заголовок]* (gorky-look.livejournal.com 18.08.20). Конвенционального значения у слова нет. И говорящий, желая обозначить какое-то понятие, свободно создает слово заново и употребляет так, как ему нужно.

То же со словом *собянинг*: в 2013 г. слово возникает в значении 'митинг', в 2018 г. единожды указывает на навязчивый характер информации о деятельности С. С. Собянина в медиа, а в 2020 г. также единожды употребляется в приведенном выше контексте. Все это проявления полисемии, а не омонимии. Такой характер полисемии обусловлен новизной модели. Слово с суффиксом *-инг* для говорящего новое, созданное сейчас и им самим, и неважно, было ли оно раньше.

Новизна суффикса *-инг* и традиция употребления его в игровых инновациях приводят к появлению неологизмов, в которых он нарочито избыточен. Такое значение может уже присутствовать в производящей основе и дублироваться суффиксом: *лохотронинг, массажинг, откатинг, распилинг, холокостинг*. Возможна и замена имеющегося в языке слова с той же производящей основой и синонимичным суффиксом: *травля – травлинг, рыбалка – рыбалинг, дурачество – дурачинг, крышевание – крышинг*. Появляются такие слова ради коннотации – шутливой или иронической – или подчеркивания длительности события.

Адаптация суффикса *-инг* в русской словообразовательной системе – которая уже произошла, например, с заимствованными суффиксами *-изм*, *-аж*, *-ациj(a)* – затруднена острым ощущением иноязычности этого суффикса у носителей языка. Выше обсуждалась аналогия с англицизмами как неогенный фактор, приводились примеры искусственного нагромождения слов на *-инг*. Приведем ещё две таких цитаты, чтобы показать метаязыковую рефлексивность:

Какие слова из обихода счастливых, живших по ту сторону, были нам знакомы? Митинг (встречинг) да пудинг (фигня на любителя). И ещё, наверное, с парочку такой же чепухи. А открылся занавес – и сразу тюнинг (доработинг). А за ним <...> буллинг (травлинг), хейтинг (ненавидинг), мэспрединг (ногоширинг), петтинг (щекотайтинг), газлайтинг (психонасилинг), а также почему-то харассмент (приставалмент) (Континент 25.07.20); Идёт перетаскивание методов управления из бизнеса в государственное управление <...>. Что-то реализовалось в ... системах «контроллинга», извините за выражение, и «крышинга», тоже извините за выражение (ПОЛИТ.РУ 03.04.08).

В обеих цитатах заметно, что автор раздражен «иностраницей». В первой поясняется каждое, даже хорошо знакомое слово. Автор либо даёт оценку денотата (*фигня на любителя*), либо толкует заимствования с помощью окказионализмов с русской основой (основами) – полукалек или квазикалек, сохраняя иноязычные суффиксы. Во второй цитате метаязыковой комментарий *извините за выражение* используется по отношению и к заимствованию *контролинг*, и к деривату *крышинг*: автор «извиняется» не за грубость или резкость, а за иноязычие. В обоих примерах авторы, обсуждая реалии, представляющиеся им ненужными, подчеркивают эту ненужность словами, которые считают ненужными русскому языку.

Игра с иноязычностью суффикса *-инг* есть и в тексте плаката *Но ливанинг* (пример из статьи [Сиротина 2013]) на митинге против реформы РАН, инициированной министром образования и науки Д. В. Ливановым. *Ливанинг* – существительное, созданное на русской почве и написанное кириллицей. Но оно вписано в английскую отрицательную императивную конструкцию *No* + герундий (ср. *No smoking*).

Отмечено, что память о языке-источнике проявляется и в удвоении конечного согласного производящей основы в некоторых неологизмах с *-инг*, характерном для английского языка (ср. *blogging, shopping*; интересно, что в русском языке утвердилось написание *шопинг, блогинг* – без удвоения): *покуппинг, товарринг, джиппинг* [Амири, 2013]. Есть такие примеры и в нашем материале: *руффинг* ‘гуляние по крышам’ (от англ. *roof* ‘крыша’; заметим, что его производное *roofing* в английском языке имеет другие значения и не содержит удвоения согласного), *поппинг* ‘катание с горки на ягодицах’.

Выводы. В начале XXI в. *-инг* становится высокопродуктивным суффиксом, несмотря на наличие конкурирующих словообразовательных типов. У инговых дериватов в словообразовательном гнезде формируются системные связи с наименованиями действия и деятеля, характерные для процессуальных

существительных. Отдельные дериваты с *-инг* высокочастотны. Продолжительность жизни таких слов в языке растёт.

При этом общеупотребительных узуральных слов, созданных по этой модели, нет. Такие неологизмы обычно сохраняют свойства окказионализмов: принадлежность речи, а не языку; производимость, а не воспроизводимость; тесную связь с контекстом; экспрессивность. Немногие узуральные слова с *-инг* не являются общеупотребительными, быстро теряют актуальность. Этот суффикс остро ощущается носителями языка как иноязычный. Т. е. пока эта модель по-прежнему носит в основном экспериментальный характер.

Литература

References

Амири Л. П. (2011). Словообразовательная игра: к вопросу о количественном соотношении окказиональных существительных, прилагательных и глаголов в текстах рекламного дискурса. *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Серия. Филологические науки*, 3, 44–54.

Буцева, Т. Н. (Ред.). (2009-2014). *Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т.* Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований.

Дьяков, А. И., & Скворецкая, Е. В. (2013). Суффикс *-инг* завоевывает свои позиции в русском словообразовании. *Сибирский филологический журнал*, 4, 180–186.

Ермачкова, О. (2020). Англицизмы на *-инг* в русском и словацком языках. *Филологический класс*. 1, 51–61.

Ефремова, Т. Ф. (2000). *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Свыше 136000 словарных статей, около 250000 семантических единиц: в 2 т.* / Т. Ф. Ефремова. Москва: Рус. яз.

Ильясова, С. В. (2014). Игровые способы и приёмы выражения социальной оценочности в языке современных российских СМИ. *Политическая лингвистика*. 1(47), 60–64.

Коряковцева, Е. И. (2012). О деривационном статусе новых морфем. *Человек о языке – язык о человеке: сборник статей памяти академика Н. Ю. Шведовой*. Москва: Российская академия наук, В. В. Виноградова, отделение историко-филологических наук, Институт русского языка им. 181–193.

Костомаров, В. Г. (1999). *Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Санкт-Петербург: Златоуст, 319 с.

Левина, С. Д. (2021). Иноязычная неоморфема *-инг* в современном русском словообразовании. *Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сборник научных трудов*, Москва: 380–297.

Маринова, Е. В. (2021). Адаптация иноязычной лексики на современном этапе: новые явления и тенденции. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 6, 399–403.

Николина, Н. А., Рацибурская, Л. В., Фатхутдинова, В. Г. (2020). Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка. *Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание*, 19(2), 5–19.

Потапова, Г. А. (2012). Формирование новых суффиксов в языке как процесс. *Филологические науки*, 3, 329–332.

Рацибурская Л. В. (2015). Динамика языковых изменений: интернационализация в современном русском словообразовании. *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 года): в 15 томах / Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ);*

Amiri, L. P. (2011). Word building game: towards the question of the quantitative ratio of occasional nouns, adjectives and verbs in the texts of advertising discourse. *Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities. Series: Philology*, 3, 44–54. (In Russian).

Butseva, T. N., et al. (Eds.). (2009–2014). *New words and meanings: reference dictionary based on press and literature material of the 90s of the XX century: in 3 volumes*. Saint Petersburg (In Russian).

D'yakov, A. I., Skvoretzkaya, E. V. (2013). Suffix *-ing* gains ground in Russian. *Siberian Journal of Philology*, 4, 180–186. (In Russian).

Efremova, T. F. (2000). *New Russian dictionary. Explanatory and derivational. Over 136,000 dictionary entries, about 250,000 semantic units: in 2 volumes*. Moscow: Russkiy yazyk Publ. (In Russian).

Ermachkova, O. (2020). Anglicisms with the *-ing* ending in Russian and Slovak. *Philological class*, no. 1, 51–61. (In Russian).

Iliasova, S. V. (2014). Playing methods and techniques of expression of social evaluativity in contemporary Russian media languages. *Political linguistics*, no. 1(47), pp. 60–64. (In Russian).

Koryakovtseva, E. I. (2012). On the derivational status of new morphemes. *Chelovek o yazyke — yazyk o cheloveke : sbornik statey pamyati akademika N. Yu. Shvedovoy [Man about language — language about man: a collection of articles in memory of Academician N. Yu. Shvedova]*. Moscow: Azbukovnik Publ., pp. 181–193. (In Russian).

Kostomarov, V. G. (1999). *Language taste of the era: from observations on the speech practice of the media*. Saint Petersburg, Zlatoust Publ. 319 p. (In Russian).

Levina, S. D. (2021). Borrowed morpheme *-ing* in contemporary Russian word building. *Aktivnyye protsessy v sovremennom russkom yazyke: natsional'noye i internatsional'noye: sbornik nauchnykh trudov [Active processes in modern Russian: national and international]*. Moscow: Flinta Publ. (In Russian).

Marinova, E. V. (2021). Adaptation of foreign language lexis at the present stage: new phenomena and trends. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 6, 399–403. (In Russian).

Nikolina N. A., Ratsiburskaya L. V., Fatkhutdinova V. G. (2020). New phenomena in the sphere of derivation formants as reflection of the dynamics of the Russian language word-formation system. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 19(2), 5–19. (In Russian).

Potapova, G. A. (2012). Formation of new suffixes in the language as a process. *Philology. Theory & Practice*, no. 3, pp. 329–332. (In Russian).

Ratsiburskaya, L. V. (2014). Manifestations of internationalization in modern media word creation. *Philology and culture*, 4(38), 170–174. (In Russian).

Ratsiburskaya, L. V. (2015). Dynamics of language changes: internationalization in the Modern Russian word-formation. *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury:*

Санкт-Петербург: 186–191.

Рацибурская, Л. В. (2014). Проявление интернационализации в современном медийном словотворчестве. *Филология и культура*, 4(38), 170–174.

Сиротинина О. Б. (2013). Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка. *Экология языка и коммуникативная практика*, 1, 177–193.

Сологуб О. (2002). П. Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке. *Наука. Университет 2002: материалы Третьей научной конференции преподавателей и студентов, 14-15 марта 2002 года*. Новосибирск: 130–134. Шведова, Н. Ю. (Ред.). (1980-1982). *Русская грамматика*, Институт русского языка. Москва: Наука.

materialy XIII Kongressa MAPRYAL [Russian language and literature in the space of world culture. Materials of the XIII MAPRYAL Congress. The international association of teachers of russian language and literature (MAPRYAL)], 186–191. (In Russian).

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980–1982). *Russian grammar*. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

Sirotnina, O. B. (2013). Reflections on how the struggle for the ecology of language should be understood. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 1, 177–193. (In Russian).

Sologub, O. P. (2002). Assimilation of foreign language structural elements in Russian. *Nauka. Universitet 2002: materialy Tret'yey nauchnoy konferentsii prepodavateley i studentov, 14-15 marta 2002 goda [Nauka. University 2002: Proceedings of the Third Scientific Conference of Teachers and Students, March 14-15, 2002]*. Novosibirsk: 130–134. (In Russian).

Для цитирования статьи:

Левина, С. Д. (2023). Адаптация иноязычной морфемы -инг в русском языке начала XXI в. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 1(6), 34–47. DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-34-47

For citation:

Levina, S. D. (2023). Adaptation of the borrowed morpheme -ing in Russian of the beginning of the 21st century. *VERBA. North-West linguistic journal*, 1(6), 34–47. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-34-47